

289 г. З.Э., Королевская Гавань.

Через месяц после отплытия Рейгара в Белую гавань.

Умышленный.

Если бы Рейнис нужно было описать свою младшую сестру одним словом, она бы использовала именно его. Висенья была водоворотом шелковистых кудрей и железной решимости, рассказом о противоположностях во всех смыслах. Рожденная зимой, и повелители драконов практически гарантировали это, как она обнаружила.

Как бы они все — даже суровый Визерис — обожали ее, она была противоречивой фигурой. Септы, которых нанимала королевская семья, чтобы обучать ее, Дейенерис и Висенью, часто сталкивались с трудностями, чтобы держать свое мнение о черноволосой принцессе... «других» занятиях при себе. Особенно в таких случаях, когда Висенья бушевала посреди урока с потом на лбу и мечом на бедре.

По крайней мере, эта могла держать свое мнение в основном при себе, в отличие от последней, которая была менее тонкой и потому поспешно удалялась.

Рейнис огляделась, занимаясь ткачеством, устроившись в одной из каменных арок, выходивших на тренировочный двор, где занимались Висенья и Эйгон. Молодой Тарли сидел в стороне, тяжело дыша, рядом с Джейми, который смотрел на них троих в равной мере с усталостью и нежностью.

Эйгон и Висенья сражались в основном деревянными мечами, хотя в этот раз в обеих их руках была незаточенная сталь. Она наблюдала, как двое столкнулись, лезвия соскользнули вместе с жутким шипением и снова разошлись.

Эйгон рассмеялся, снова встав в стойку, перекинув меч через плечо, словно дровосек перед деревом. Висенья молчала, но увидела начало улыбки, когда направила свой клинок на горло Эйгона.

Висенья была хороша. Даже тот, кто не разбирался в фехтовании, мог это увидеть. Основы Эйгона, как однажды объяснил дядя Оберин, превосходили его. И хотя юный Сэмвелл был худшим из них, сила была на его стороне. У Висеньи не было ни того, ни другого, но Рейнис чувствовала, что ей это и не нужно.

Висенья танцевала со своим клинком. В каждом движении была элегантность и намерение. Прыжки перетекали в толчки, стойки мерцали в стойки, она петляла то в пределах досягаемости, то за ее пределами. Вновь обретенные интересы Висеньи не уменьшили ее старых, и она всегда любила танцевать, Рейнис часто могла заметить движения, которым учили ее инструкторы, по тому, как ее ноги скользили по полированному мрамору.

Это было красиво, в каком-то смысле. И это заставило ее задаться вопросом, во что они превратились бы с десятилетним обучением за плечами, если это то, во что они превратились за шесть месяцев.

Раздался лязг доспехов, и Рейнис не нужно было смотреть, чтобы понять, что ее мать только что вошла в комнату. Ее личный королевский гвардеец остановился в нескольких шагах назад, когда Элия в шелковом платье и пряхнях дорнийских духов вошла в комнату. — Я думал найти тебя здесь, —

Рейнис улыбнулась матери. «Приятно смотреть, как они спаррингуют. Они прошли долгий путь».

Крик снизу означал начало новой стычки, Элия смотрела мимо нее, улыбаясь. «Действительно, Эйгон едва мог держать меч за рукоять, прежде чем они начали... посмотри на него сейчас, рыцарь-дракон снова пришел».

Рейнис улыбнулась. Хотя она и поймала Элию, странно на нее взглянувшую. — Мама, что это?

«Прости матери ее оплошности, дорогая. Я погрузился в свои мысли — это напомнило мне о временах Солнечного Копья, когда Оберин и Доран сражались на солнце.

"Действительно?" Рейнис воспользовалась моментом, чтобы обдумать мысль о Доране, владеющем лезвием вместо пера, хотя она предполагала, что подагры у него не было с рождения. "Кто выиграл?"

— Как вы думаете, кто?

«Я думаю, что это не красные пески дают дочерям Оберина клыки, гадюка хорошо научила свой выводок»,

Рейнис улыбнулась при упоминании своих кузенов, они в настоящее время уехали с ее дядей в поездку в Дорн, и, зная его, кладка вырастет снова, прежде чем они двинутся на север.

«Я предлагаю тебе начать прямо сейчас, дорогая, если ты хочешь быть первой, кто оденет наше... неизбежное расширение», усталая нежность в разуме ее матери подсказывала Рейнис, что она подозревала то же самое. — Клянусь, он хочет произвести на свет дочь за каждую песчинку в Дорне.

— Скоро вместо этого они будут искать песок между змеями, — подшутила Рейнис. Мать и дочь рассмеялись.

— Вы когда-нибудь хотели быть похожими на них? — неожиданно спросила ее мать. — Использовать копьё вместо иглы?

Рейнис на мгновение остановилась. — А ты? — спросила она в свою очередь. Сообразительность была чертой, которую Элия часто ассоциировала со своим братом, чей яд и раздвоенный язык принесли ему известность. Ей было приятно видеть это в своей дочери.

«Я знала, но это не было моим призванием, хотя я полагаю, что если бы меня когда-нибудь посетила фантазия, Оберин был бы счастлив учить меня», — сказала ее мать.

Рейнис фыркнула. «Я полагаю, скорее рад унижать свою сестру», — они оба рассмеялись, хотя Элия смеялась гораздо дольше, чем ее дочь, и к тому времени, когда она поняла, Рейнис уже давно переключила свое внимание на битву внизу. «Возможно, если бы я познакомился с этой концепцией раньше, она бы понравилась мне так же, как и Висень. Дейенерис, кажется, согласна со мной, хотя я вижу, как ее взгляд задерживается всякий раз, когда мимо проходит Висенья с железным куском на бедре. Танцы и союзы - это поле битвы, о котором я мечтаю. Это может быть совершенно другой металл, но чернила из пера все равно могут пролиться красным».

Мать какое-то время смотрела на нее, мягко улыбаясь. «Однако, в отличие от лезвия, чернильный мазок может спасти кровь от полного проливания. Желаю вам удачи в этом

начинании, хотя я боюсь, что дикость внутри этих двоих не принесет вам ничего, кроме головной боли. — Я рада слышать, что некоторые вещи не меняются, — спросила Рейнис. «Висенья рассказала мне о своей биологической матери. Правда ли, что отец Лианны Старк без коня? Улыбка Элии стала меланхоличной. "Она сделала. Она бы тебе понравилась, самый образ нашей малышки. Так же искусно скользит по полированному полу танцевального зала, как и с копьём в одной руке и поводьями в другой.

«Однако Лианна предпочитает клинок конному бою, — заметила Рейнис.

Элия склонила голову. — Возможно, это так, но Лианна носила этот клинок не просто так. В ней была дикость, как и в ее дочери, кажется, старые басни Старка менее басни, чем многие думают.

Рейнис нахмурилась, слушая музу басен и дикости своей матери. — Я не совсем понимаю, — призналась она. — Что за дикость в ней?

— Они называют это волчьей кровью, — объяснила Элия, выходя из тени. «Стремление, воля столь же древняя и непоколебимая, как Вейрвуды, и жажда свободы, которая кажется непревзойденной. Большинство жителей юга списывают это на бред дикарей, хотя северяне твердо верят в то, что оно существует. Кажется, что Север все еще уходит глубоко в нашего маленького дракона.

В этот момент в комнату вошла рука короля, все еще в доспехах, которые он, казалось, так и не снял. Сэмвелл уже давно присоединился к битве и в настоящее время участвовал в спарринге с Эггом, пока Висенья разговаривала с Джейме.

Рейнис посмотрела на свою мать, которая хмурилась.

Элия никогда не скрывала своей неприязни к Рендиллу Тарли, он был холодным, жестоким человеком, чья любовь, казалось, распространялась только на тех, кому посчастливилось соответствовать узким взглядам, которые он считал приемлемыми. Он был одним из тех, кто больше всех выступал против того, чтобы Висенья взяла в руки клинок среди малого совета. Ссылаясь на «дорнийскую коррупцию» и не так тонко возлагая вину прямо на плечи дяди Оберина.

К счастью, Рейегар проигнорировал этого человека, хотя и не сдавался. Последние тлеющие угли сопротивления погасли только после того, как Сэмвелл начал присоединяться к урокам Висеньи, что сама Висенья предложила.

— Ну вот, опять, — прошептала Рейнис, наблюдая, как лысый мужчина занимает место с видом во двор в нескольких футах от них.

— Хм? Элия повернулась к дочери, но Рейнис не нужно было объяснять.

Рэндилл, как оказалось, не был доволен простым наблюдением за лонжероном.

"Сильнее!" — рявкнул стареющий лорд, напугав ее мать. Рейнис уже просто научилась игнорировать... комментарии этого человека.

Элия, похоже, не знала.

— Это лезвие, а не ковш! Ударь узким концом, бога ради, мальчик, — Рейнис подавил улыбку. Она тоже видела удар, даже для нее он выглядел хорошо, может быть, немного шатко, но она

видела панику в глазах Сэмвелла.

Элия тоже это видела, Рейнис была в этом уверена, и скоро что-то поддастся.

Она перевела взгляд на лонжерон, наблюдая за столкновением Эгга и Сэма. Эгг был быстрее, он наносил по два удара за каждый удар, который удавалось наследнику Тарли, но с более крепким телосложением мальчика пришли выносливость и сила. При каждом парировании его руки тряслись, пока Эйгон просто не смог вовремя поднять меч, когда Сэм нанесла удар сверху, который она могла увидеть из Староместа.

Она услышала вздох матери. Затупленная сталь все еще оставалась сталью, и она могла ушибить или даже сломать кость, если упадет даже на стеганую тунику с достаточной силой, но Сэм не позволил этому дойти до этого, вместо этого он осторожно положил ее на плечо ее брата, предлагая некоторые слова, над которыми Эйгон рассмеялся, Джейме улыбнулась, а Висеня открыто подбодрила.

Рэндилл был менее удивлен.

«ОН БЫЛ ПРАВИЛЬНО ОТКРЫТ, ЕСЛИ ТЫ ДУМАЕШЬ ОДИН ДЕНЬ ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ ХАРТСБЕЙНОМ, УЗНАЙ РАЗНИЦУ МЕЖДУ МЕЧОМ И НОЖОМ ДЛЯ МАСЛА!»

Рейнис увидела, как мальчик Тарли сжался в себе, и почувствовала к нему приступ сочувствия. Тем не менее она улыбнулась.

Ее мать достигла своего предела.

— Вы хотели бы, чтобы он ударил моего сына, лорд Тарли? сказала она, ее загорелая кожа, когда она растворилась в тени рядом с рукой короля, резко контрастировала с арктическим штормом ее тона.

— Это спарринг, ваша милость, — сказал он, явно пораженный. Было ли это из-за того, что ее матери удалось подкрасться к нему, или из-за воинственного тона, исходящего от в остальном нежной королевы, Рейнис могла только догадываться.

— Действительно, — согласилась она. — Спарринг, который выиграл ваш сын, тоже умело — он удивительно быстро улучшился, вам так не кажется? Рейнис знала, что делает ее мать. Она давала ему выход. Тот, который потребует от него только проглотить свою гордость.

Рейнис улыбнулась. Плащ и кинжал.

Лорд Тарли был мастером на поле боя, но он, казалось, обладал тупым клинком, когда дело доходило до сражений более тонкой манеры. «Ему нужно научиться не сдерживаться, он учится — наконец — но он все еще слишком мягок, поле битвы не будет нянчиться с ним, как, кажется, намеревался Цареубийца.

Джейме открыл было рот, чтобы заговорить, но Элия перебила его. Посылает патриарху Тарли взгляд, достойный Нимерии. «Неужели у нас так мало воинов, что мы должны посылать в бой детей, господин десница? Нет? Тогда перестаньте мешать инструктору, которого вы одобрили.

Рендилл Тарли покраснел.

«Плохо то, что ты позволяешь этой девушке брать в руки клинок, но ты не будешь читать мне лекции о том, как воспитать моего собственного сына», — бросила вызов Тарли, и Рейнис

увидела в своей матери сторону, которую она никогда раньше не видела.

— И все же вы, кажется, достаточно увлечены, чтобы читать мне лекции о моем. Улыбка Элии была не менее приятной, но ее глаза были жесткими, подталкивая его к тому, чтобы что-то сказать. «Она с севера и из Валирии, и родилась в песках Дорна. Мне не нужно читать вам лекции о мормонтах, или о ее тезке, или даже о детях моего брата, не так ли? Рендилл на мгновение застыл, как рыба, хотя, как ни удивительно, в глазах мужчины мелькнуло... что-то смутно похожее на уважение. «...Прошу прощения, ваша милость, я увижу сына за ужином»,

Элия Мартелл, насколько знало королевство, по-прежнему оставалась скромной, тихой дамой, вышедшей замуж за меланхоличного принца. Но она давно переросла это. Время, проведенное в качестве прославленного заложника при правлении Эйриса, позаботилось об этом.

Рейнис вздрогнула, вспомнив своего дедушку. Царство было лучше после его смерти, хотя даже после этого он оставил свои шрамы. Бабушка Рейла с трудом могла находиться в той же комнате, когда было произнесено его имя, как будто оно возвращало мерзкого человека к жизни.

Рейнис, со своей стороны, провела восстание в тени своей матери и наблюдала, как ее мать меняется. Она не утратила своей доброты и ни к кому не относилась по-другому, но за эти месяцы укрепились решимость, которую никто, и меньше всего сама Элия, не ожидал увидеть.

Даже самый большой дуб пустил корни во тьме.

Рендилл вскоре ушел, а Рейнис вернулась к вышиванию, Элия села рядом с дочерью и начала расчесывать ее волосы. — Мне жаль, что тебе пришлось это увидеть, —

Рейнис пожала плечами. «Он жесток, ты был прав»,

— Тем не менее, — Элия мягко приподняла Рейнис за подбородок, встретив их взгляды. — Мне жаль, что тебе пришлось быть там из-за этого. Лорд Тарли должен научиться выражать свое недовольство другими способами.

Рейнис волновалась, какие «другие пути» могут повлечь за собой его сына, но держала рот на замке. Она снова повернулась во двор, на этот раз это была Висенья против Сэмвелла. «Это делает их счастливыми, разве этого не достаточно?»

Элия рассмеялась грустным смехом. «Это редко, я боюсь, что это завоюет ее немногочисленных поклонников, если они вообще будут. Может быть, те, что на севере, хотя я сомневаюсь, что Рейгар допустит такой матч.

"Почему?" — серьезно спросила Рейнис. Ни для кого не было секретом, что после восстания Север практически отошел от политики Вестероса, союз, который мог бы укрепить давно игнорируемые узы, показался ей хорошей идеей.

"Ты знаешь почему,"

Рейнис переглянулась со своей матерью, она знала, что скрывается за мрачным выражением глаз королевы Элии. Оба они знали имена, произносимые в отношении их младших, и в простом народе и дворянских домах самый молодой дракон получил второй титул.

Ублюдок, который разрушил царство.

Титул был гнусным и фальшивым — Рейегар велел самому высшему септону жениться на нем и Лианне. Документы были достоянием общественности, и все же некоторые отказывались верить правде. Это был жестокий слух, распространяемый маленькими разгневанными человечками, и Элия почувствовала грусть из-за титула, который будет преследовать ее всю жизнь.

Было еще одно имя, которое они ей дали, то, которое Элия и Рейгар слышали только однажды, это имя заставило ее измученного войной мужа потерять себя в ярости такой чистой, что она никогда не видела ему равного. Даже когда заговор Эйриса сжечь столицу не был раскрыт.

Блэкфайр.

— Пойдем, — сказала Элия дочери. «Я хочу пойти погулять»,

--

Упертый.

Эйгон не мог подобрать лучшего слова для описания своей младшей сестры.

В этот день была назначена спарринговая практика, и им оставалось отрабатывать технику, которую им показывал Хайме. Теперь все они держали заостренные лезвия, Джейми утверждал, что это может помочь им быть более осторожными в том, как они отрабатывают свои движения.

Сэм владел клинком, который, по-видимому, подарил ему его отец, Эйгон сделал то же самое, а Висенья владела клинком своей матери.

Движения были быстрыми, работа ног была сильно нагружена, и Эйгон расслабился, копируя инструкции Джейме. Они всегда заканчивались так, медленное нарастание дня тяжелой тренировки делало вас менее подверженным судорогам и болям. Хотя Эйгон знал, что завтра он почувствует сегодняшние упражнения.

— Висенья, держи клинок на линии, — сказал тогда Хайме. Эйгон осмелился оглянуться на это через плечо.

Висенья была... действительно чрезмерной. Она тяжело дышала и изо всех сил пыталась вернуть его в исходное положение к следующему замаху, оставив себя на полшага позади и изо всех сил пытаясь наверстать упущенное.

— Висенья... — снова сказал Джейме, уже мягче. Эйгон закатил глаза, у остальной части Королевской гвардии могли быть свои фавориты — он был почти уверен, что это был Артур, — но никто не делал своих фаворитов известными так, как Джейме Ланнистер, он души не чаял в Висенье, как отец.

Как и положено отцу, подумал он, нахмурившись.

Однако Висенья, похоже, была не в настроении для добрых слов.

— Я в порядке, — отрезала она в ответ, делая шаг вперед для удара вверх... и посылая свой меч в небо.

"Вниз!" Джейме рывкнул на них. Эйгон и Сэм отскочили так далеко, как только могли, Висенья

отползла прочь, когда лезвие поймало солнечный свет. Он прокрутился в воздухе дюжину раз, прежде чем с грохотом упал на пол в двух футах от перил. Висенья сделала попытку, но Хайме схватил ее за руку. "Что это было?" — прошипел он ей с беспокойством в глазах.

— Я... оно соскользнуло, я не смогла его удержать, — призналась Висенья. "Это тяжело,"

— Это боевой меч, — мягко упрекнул Джейми. «Он не может быть намного тяжелее двух фунтов».

Эйгон наблюдал, как Висенья смущается. "Два фунта? Я думал, что должно было быть четыре?"

«Может быть, тебе просто так кажется, что ты маленький и все такое», — пошутил он. Улыбаясь, несмотря на то, что кровь гудела в ушах. Возможно, это было немного жестоко, но она только что отправила меч в полет, а он был не в настроении для благотворительности.

— Ну, может быть... — Висенья, — тон Джейми не терпел возражений. «Возьми свой меч»,

— Прости, — пробормотала она, смирившись так, как мог заставить ее только Джейме.

— Я знаю, что да, принеси свой меч, — снова сказал он.

Висенья тащила каблуки туда, где на земле лежал ее меч. Она передала лезвие Хайме, который осмотрел его критическим взглядом. — Он ужасно тяжелый для такого клинка, — воскликнул он. — Баланс полностью нарушен, — Эйгон и Сэм наблюдали, как он пытался сбалансировать меч ее матери на пальце, и только когда он был почти наполовину поднят, лезвие перестало наклоняться вперед.

«Кузнецу, который сделал это, должно быть стыдно за себя, на данный момент это, по сути, топор», — Эйгон наблюдал, как Висенья ошетибилась, когда сир Хайме вернул его, она хорошо знала гнев своей младшей сестры, медленно нарастающий и еще медленнее закипающий, но все же впечатляющий всякий раз, когда он поднимался.

Она изо всех сил сдерживала себя, это было очевидно, но, когда Эйгон и Сэмвелл обменялись взглядами, он подумал, не могла ли это быть совсем другая борьба.

«... Могу ли я все еще использовать его?»

— Принцесса, лучше бы вам заточенную палку или хотя бы один из тех затупленных мечей. — Можно?

— Я... — Эйгон практически слышал, как шестеренки в голове сира Джейме останавливаются. С одной стороны, Висенья была его любимицей, золотой лев никогда и ни в чем не мог ей отказать. С другой стороны...

— В любом случае, я думаю, что на сегодня тренировка окончена, — сказал Хайме, постепенно предлагая компромисс. — Завтра я возьму его у Тобхо Мотта, хорошо? Если кто-то и может решить подобный вопрос, так это он».

Висенья только кивнула, лучезарно улыбнувшись ему, прежде чем утащить Сэмвелла с собой, возможно, в библиотеку.

— Принцесса... — крикнула Джейме вдогонку, пытаясь догнать Эйгона, оставив Эйгона с нежной улыбкой, когда они все исчезли.

## Грустный

Элия из-за своих обязанностей не может проводить со своими детьми столько времени, сколько ей хотелось бы, но когда она это делает, она достаточно внимательно следит за тем, чего не замечают другие.

Неудивительно, что никто этого не замечает, хотя она подозревает, что у Раэллы есть подозрения, но Элия ясно это видит. В Висенья есть что-то пустое, какая-то яма, которая всасывает радость и не оставляет после себя ничего, кроме печали. Они часто отмечают, что в моменты затишья она похожа на Рейгара, и Элию это возмущает.

Потому что это вина Рейгара.

У ее мужа бывают приступы меланхолии, и она уже давно уловила признаки того, что ей может понадобиться доброе слово или фамиллярное прикосновение. Но Висенья не размышляет, на самом деле. Она не думает о том, что можно было сделать по-другому или, возможно, что следовало бы сделать. Нет, молчание Висеньи было тихим страданием.

Девушка еще не заметила ее, она была так занята лежащей перед ней простыней, что совершенно не обращала внимания на Элию, наблюдающую за ней из тени.

В последние годы правления Эйриса она научилась придерживаться их, видеть, но не быть замеченной, хотя бы для того, чтобы избавить своих детей от ярости сумасшедшего, когда он был в настроении.

Это также дало ей возможность, которой она дорожила, увидеть своих детей такими, какие они есть, без каких-либо масок, которые они обычно надевают.

Дорнская грубость Рейнис и вспыльчивость Дейенерис, регулярные «посещения» Эйгоном королевских кухонь и любовь Визериса к странным любовным романам. Все такие дорогие тайны, которые согревали ее и делали все, что того стоило.

Это также усложняло ситуацию, казалось... неправильным напоминать им о ревниво хранимых секретах, давать им понять, что она знала. И хотя Элия хотела сделать это несмотря ни на что, она знала, что вероятность того, что ее дети откажутся от своей тайной страсти, слишком велика, чтобы рисковать.

Висенья была... другой. Она мало что скрывала, поэтому стало неожиданностью, когда Элия выбрала один из наименее проходимых маршрутов Красного замка и обнаружила ее спрятанной в темном углу.

Она бы даже не заметила ее, если бы рядом с ней не мерцала стоическая фигура Хайме.

Джейме заметил ее, он всегда ее замечал. И взгляд, который он бросил на нее, был умоляющим, и поэтому Элия перевела взгляд на маленькую Висенью, и ее сердце разбилось.

Висенья спряталась, сгорбившись над куском пергамента с арфой в руке. Элия смотрела, как она пытается разобраться в листе, дергая инструмент беспорядочно, понемногу.

— Что ты делаешь, милая, — спросила Элия, жестом указывая своему охраннику занять место в другом месте. Висенья вздрогнула, подняв глаза так, будто ее поймали, когда она пробиралась

на кухню за сладостями, она даже попыталась спрятать арфу за спину. «Ничего, мама».

Мать. Элия полагала, что многие дамы с презрением отнеслись бы к тому, кто не рожден их собственным телом, если бы называли их так, но Элия не относилась к большинству дам, Элия была Королевой. И хотя она вряд ли могла согласиться с разговорами Рейгара о пророчествах и его упрямой секретностью в отношении Лианны, было бы ложью сказать, что она не была... заинтересована и в женщине Старков.

Увы, жизнь жестока, и Лианна умерла до того, как они смогли как следует узнать друг друга, оставив только маленькую девочку, в которой жил призрак дикого волка. Она до сих пор помнила, как впервые увидела малышку, голубоглазую и темноволосую, тихую, совсем не похожую на Эйгона, и пребывающую в блаженном неведении о словах, сказанных всего в нескольких дюймах от ее маленького тела.

Эддард Старк, казалось, был готов разорвать Рейгару глотку собственными зубами, тихий волк, как бы его ни называли. Но его полный ярости голос эхом разносился по всему большому залу, словно он боролся за место. Рейгар пытался рассуждать, и когда казалось, что Эддард может просто взять ребенка с собой, вмешалась Элия.

Теперь, шесть лет спустя, Элия все еще не могла сожалеть о своей любви к младшей дочери. "Ничего такого? Станный. Я мог бы поклясться, что ничто не было похоже на одну из старых арф твоего отца, — Висенья ссутулилась, Элия опустила на корточки рядом с ней, бросив взгляд на песню, которую она выбрала.

«Дженни из Олдстоунов», — размышляла она. — Твой отец пел эту песню в Харренхолле, сама по себе красивая, хотя и немного грустная.

«Я хотела научиться этому», — призналась Висенья, показывая Элии арфу. Она узнала его, темный инструмент, вырезанный из вишневого дерева и украшенный золотыми драконами. «Потому что, когда отец вернется», «Почему?» — серьезно спросила Элия, не упустив намека на панику в глазах Висеньи.

«Я спросил, не хочет ли отец присоединиться к нам в спарринге, но он сказал, что нет, он сказал, что Хайме будет нашим наставником. Так что я... я подумал, что это может быть что-то, чему он мог меня научить? Я не очень хорош в этом, хотя...» Если бы это было возможно, Элия почувствовала, как ее сердце раскололось на еще более мелкие осколки.

Будь ты проклят, Рейгар. Черт тебя побери. — Я уверен, что он бы этого очень хотел. — Нет, не хотел бы, — признала Висенья. «Он даже не посмотрел на меня»

Что. Элия на мгновение закрыла глаза. — Что ты имеешь в виду, волчонок? — Когда он попрощался, он... — Висенья замолчала, шевеля губами. Арфа выскользнула из ее пальцев, с лязгом рухнув на пол, и Элия подхватила дочь на руки, приглушенные рыдания раздались по пустым коридорам.

Элия крепко обняла Висенью, глядя на арфу. При падении оборвались несколько его нитей, и она почувствовала мрачное удовлетворение при виде этого зрелища.

Пусть что-нибудь из его сломается для разнообразия. Элия подождала, пока утихнут рыдания, прежде чем осторожно оттолкнуть Висенью от себя, когда она уговорила дочь поднять лицо, это были опухшие глаза и запачканные соплями губы.

— Нечего скрывать такие страсти, милочка, — сказала Элия, вытирая лицо Висеньи рукавом,

стоящим дорожке некоторых таверн. — Скажи слово, я приведу лучших инструкторов... если ты действительно хочешь научиться играть на арфе, то есть? — добавила Элия и увидела, как взгляд Висеньи опустился вниз.

Ах. — с грустью подумала Элия. Как она и ожидала. Висенья любила песни, но ее всегда интересовало пение, а не игра. Рейгар, ты так привязан к прошлому, что не можешь видеть настоящее? Она хочет от тебя только одного, почему ты не можешь ей этого дать?

Они мало говорили о Висенье, в основном потому, что Рейегар всегда обрывал разговор, как только дело доходило до нее, и Элия проглотила это. Она больше не будет этого делать, но это еще не все.

— ...Он ненавидит меня?

В ближайшее время Рейгар не найдет у нее теплой постели. "Нет! Конечно нет, почему ты так думаешь? Он обожает тебя».

— Я разговаривала с Тирионом, — призналась она. — Я... я спросил его о его собственной матери. Он сказал мне, что убил ее, когда родился, как и я. — Нет! услышать это было хуже, чем любой яд, который Пицель мог дать ей. «Никогда больше не говори таких вещей. Ты не убивал Лианну, как Тирион не убивал собственную мать. Роды всегда сопряжены с риском, каждая женщина знает это, не смей винить себя за то, над чем ты не властен, — Элия знала о рисках лучше, чем большинство. , Эйгон чуть не убил ее, и даже сейчас, когда Пицеля больше нет, а ее тело заживает, оно, скорее всего, никогда не восстановится до такой степени, что она может рискнуть родить третьего ребенка.

«Но отец Тириона ненавидит его , Тайвин назвал его «низкорослым наказанием, которому не хватило милости умереть после убийства его матери», когда они поссорились перед приездом Тириона в столицу», «Тайвин Ланнистер — холодный, жестокий человек. — сказала Элия. Не сводя глаз с Джейме, как будто побуждая его сказать что-то другое.

Джейме этого не сделал, вместо этого мужчина выглядел так, будто видел незнакомца с полуоткрытым ртом, как будто он изо всех сил пытался обработать только что услышанные слова. — Прощайте, сир Джейме, — сказала она. «Идите к своему брату», «Ваша милость», золотой лев Утеса Кастерли помчался прочь, как будто кто-то поджег его хвост.

— Висенья, — сказала Элия. «Ты умный, добрый и смелый — твой отец дурак, если не увидит этого, и я заставлю его, я тебе это обещаю» .

Висенья потерла щеку пухлой рукой, изо всех сил стараясь сделать храброе лицо. — А рассказы о матери, мама? Висенья сморщила лицо при этой фразе, растерянная, а Элия рассмеялась, поцеловав полдюжины поцелуев в макушку дочери под умоляющее хихиканье.

— Я... — мелькнула мысль. Гнев Элии не остыл ни в малейшей степени. — Я не знал твою мать так, как знал твой отец, но я знаю, кто знал, — Элия поставила Висенью на пол, встала во весь рост и протянула ей руку. — Не присоединишься ко мне? Они ушли в солярий королевы, оставив арфу на полу, где она упала, и Элия помогла дочери написать письмо.

Дорогой Эддард Старк... так все и началось.